

158 Комсомолец знает. - Киев. - 1991. - 8 марта. - с. 8

— Сейчас любые беседы не обходятся без политики. Тем более — если это беседа журналиста с известным человеком. Нашей, вконец, тоже не миновать политикой. Но давайте хотя бы начнем с другого... Скажем, любите ли вы читать газеты?

— Нет, такой слабости у меня нет.

— Вы их вообще не берете в руки!

— Теперь — пролистываю, от корки до корки не получается. А когда-то в юности даже это было для меня немислимо, и газеты были бесконечно неинтересными. Теперь многое переменялось, но и сейчас не могу сказать, что это мое излюбленное чтение.

— А какие газеты вы все же выписываете?

— «Литературку», «Московский комсомолец», «Вечернюю Москву», «Аргументы и факты» — вот такой маленький московский джентльменский набор. А покупаю разные. Хорошо отношусь к «Московским новостям», очень люблю «Коммерсант»...

— По тому, что человек сейчас подписывает и что читает, можно многое сказать о нем самом... «Коммерсант», на мой вкус, газета суховатая. Вы, наверное, не читаете материалов, подобных тому, который мы пробуем сейчас сделать!

— Ну почему, если интервью дает интересный человек, то, конечно, читаю. Кстати, «Московский комсомолец», по-моему, ане конкуренции в этом жанре. Там есть ребята, умеющие делать потрясающие интервью с людьми искусства, литературы. Вообще — с незаурядными людьми.

ВЕРОНИКА ДОЛИНА

Февральским вечером 22-го числа в Москве на площади, которую все называют Манежной, несмотря на то, что на табличках она официально именуется «площадью им. 50-летия Октября», должен был состояться митинг в поддержку «Взгляда», Радио России и других программ, появившихся в опалу. Народ начал собираться задолго до

начала, а оно само по себе откладывалось: организаторы ждали подхода каких-то колонн. Ждали и люди, тысячи людей. Чтобы помочь им скоротать время — включили трансляцию. Это была запись Вероники Долиной. Днем раньше ваш корреспондент встречался с ней, и она сказала, что знает своих слушателей и считает, что они — не худшие люди в нашей разнесчастной стране... Для кого лучше, для кого — худшие. Линия раскола прошла посередине? Да какая разница! Главное — научиться бы слушать. Те, кто пришел на Манежную, вслушивались в давно им известный текст.

В конце марта Вероника Долина должна приехать в Киев. Ее концерты, как всегда, организовывает театр-студия «Академия».

намого больше сиротства и всяческих иных препонов. (Сиротство покидает человека, поющего на публику, почти сразу же. Все — ты с публикой! Значит, уже не один). Дальше — очень много кусков. Опять же и для человека одаренного, и для бездарного. Ведь тебя покинуло заветное художническое чувство одиночества, и создать некую абсолютно необходимую для творчества охраняемую зону могут очень многие из людей, представленных публике. И вот это уже доступно только человеку одаренному. А без этого ограждения человека становится не субъектом искусства, но объектом ширпотреба.

— Вероника, а вас совсем не задевает тот печальный факт, что эрзац-позиция пошла у нас в буйный рост после того, как авторская песня стала модным занятием? Не так давно по телевидению транслировался концерт, в котором участвовали все звезды бардовской песни, начиная с 60-х. И я с ужасом убедился, что большинство давно признанных бардов... не чувствуют слова, да что там — рифмовать не умеют!

— Здесь нет никакого вопроса. Есть данность: кто-то пишет хорошо, кто-то хуже, а кто-то — совсем плохо.

— Да, но почему-то слушательская любовь от этого почти не зависит!

— Во-первых, зависит. Это вы бросаете! На вершине пирамиды все равно лучшие люди. Все равно — Окуджава, Галич, Ким, Новелла Матвеева...

масштаба, натравливаю стаю. Вы хотите спросить, «свалят ли его? Вполне возможно. Но это никак не может повлиять на мое отношение к Борису Николаевичу. Для меня в нем все сущестственно: стальной пробор его прически, покроя его прекрасных костюмов, походка, повадка, рост, черты лица, интонация, закольцованность фразы. Я удивляюсь тому, как этот совершенно номенклатурного происхождения человек научился говорить.

— У вас все-таки очень женский, что ли, взгляд на политического деятеля...

— Это все сущестственно. Вы не снижайте того, что я говорю. Это — образное решение. Для человека, который ведет жизнь на людях, все это очень важно. Мы ведь вообще человека встречаем по одежке, а тут — человек политический. Что же, ничего не значит физиономистика, ничего не значит антропологические подробности? А то как человек на наших глазах обучался себя держать, вести себя с ничтожеством, которое «тыркает» тебя на глазах 300-миллионной публики (я здесь имею в виду Ломанина) — это все дорого стоит. Этот человек отрежисирован. Политика, как театр, — очень важная сторона жизни.

— Вы, как и все советские люди, конечно, политикантисм, прогнозируете развитие ситуации!

— Нет. Я помалкиваю. Все очень грустно. Мы, конечно, утопаем и это еще не дно. Дело плохо...

— Вы в пионеры, в комсомол поступали как — с воодушевлением!

— Если республики просят на свободу, то им нужно ее дать. И ничего страшного! Только дай Бог всем более или менее порядочных правителей. Не знаю, правда, насколько это возможно в наших условиях.

— Вы не совсем довольны переименованием улицы Горького и в то же время соглашаетесь с распадом страны!

— Да какой распад! Можно вступить в добровольные и поэтому не лишенные приятности отношения — политические, экономические, культурные. При этом границы могут быть проницаемы. Вот и будет все славно. В общем, если так сильно люди просят...

— Складывается впечатление, что советские люди ждут от ВС СССР уже только одного закона — «о въезде и выезде». И чтоб он работал!

— Не думаю, что он будет принят. По той же причине, кстати, по какой не отключают республики.

— Но тогда Буш обещал ничего не дать...

— Стало быть и не даст. Нам-то не привыкать!

— Но дело, собственно, не в законе. Речь об иммиграции. Перед вами когда-нибудь стоял этот вопрос?

— Нет, для меня этот вопрос никогда не стоял на ребро. Мне очень приходилось говорить, когда уезжали близкие люди. Но что поделаешь! Это глубоко интимное дело, это как развод. Грубо бы вательские мотивы отъезда меня пропустят не интересуют. Люди более-менее моего круга, люди не чуждые мне, если уезжают, то ведомые очень интимными обстоятельствами. А когда снимаются с

МОСКВА...

— А Розенбаум!

— Это меня не интересует. Это ниже подножия.

— Это вас не интересует, людей вашего круга...

— Да нет — по шкале ценностей ниже располагается.

— Опять же, по шкале ценностей вашего круга! А в народном представлении...

— В народном представлении? Мало ли кто может там оказаться — Асмолов, Вилли Токарев, Джигурда. Есть много старых и молодых «дешевщико-ков». Это все в сфере моей компетенции. Это для меня за чертой, за пределом. И не надо, кстати, публику за дуру держать. Выведешь рядом с Розенбаумом Окуджава — любая публика разберется. Есть некоторый слух у человека. И даже у несчастного, затурканного советского человека.

— Как, по-вашему, насколько известны были бы стихи Высоцкого, если бы они не были сначала спеты?

— Несомненно, очень мало. И даже с добавкой «очень». Эти стихи должны были быть спеты — они очень сильно проинтонированы, «завязаны» на нарочитые пространственные интонации. В этот образ Высоцкий как профессиональный актер обязан был войти. Он вошел в него и, собственно, в этом образе и выбыл из жизни. Этот же образ и приблизил его смерти.

— Сейчас вы найдете множество людей, которые очень искренне могут вам ответить на два вопроса. «Кто ваш любимый поэт?» — «Высоцкий!» — «А кого вы еще знаете?» — «Никого... Ну, Пушкина, еще...»

— Это ужасно. И это чисто советское явление — стереотип, навязанный олокультурной жизнью за те 10 лет, что нет Высоцкого. Людей, которые отвечали так на первый вопрос в конце 70-х, было очень негусто, и это были люди достаточно тонкие. А теперь так на этот вопрос отвечают... толстые люди — толстокожие, недумающие, которым это навязано — был запретностью с последующей разрешенностью, тиражированием...

— ...Приминанием — к месту, а чаще — без повода... Скажите, если уж об этом зашла речь, то как вы лично относитесь к творчеству Владимира Семёновича?

— Очень хорошо. С огромной любовью и во все мое образ, и к его лучшим строчкам. Но при этом не считаю нужным скрывать, что степень величия ему навязана.

— Вы знаете, существует такое понятие — «информационная помпа». Есть люди, испытывающие страдания от того, что не получают раз в день свою «дозу политикой». Поэтому — пора немного о ней... Вы слышали, конечно, недавнее выступление Б. Н. Ельцина по ЦТ. Ваше отношение?

— Я очень люблю Бориса Николаевича. Я совершенно горячий, треплетный его союзник во всех ситуациях. Моё доверие к нему он не подорвал ни разу за много лет моего наблюдения за ним. Считаю его чрезвычайно продуктивной фигурой в нашей несчастной политике.

— А конкретно, по поводу выступления. Вы же слышали и видели, что за кампания развернулась повсюду после него.

— Это несерьезно. Мне омерзителен этот жанр, когда на человека вообще, а тем более такого

Какой-то элемент пафоса в этом, конечно, был. Не комсомольского, конечно, все дело в неком празднике. А все реалии идеологической жизни — это для меня за пределом, так же, как и Розенбаум. Это за пределом моих мыслей и чувств. Но я помню, что была некая торжественность. Я ведь была образцовой девочкой в третьем классе — разумница, отличница!

— А разочарование!

— О чем вы говорите! Повторю, идеологическая подоплека всегда была для меня за пределом. И хоть родители у меня члены партии, на атмосфере дома это никак не сказывалось. И у меня не было никаких иллюзий буквально по определению.

— Как вы относитесь к женщинам, занимающимся политической? Кому-нибудь в современном мире, кроме Маргарет Тэтчер, это вообще — показано, выражаясь языком медицины!

— Очень симпатизирую Старовойтовой... Хотя, когда наступал час чисто мужского ристалища, я недолюбливаю появление женщин. Тут им нужно помалкивать. Когда год назад были еще наполнены политическим содержанием съезды, сессии, — я с большим раздражением наблюдала выступления: во-первых, женщин, во-вторых — гумани-тариев.

— А себя вы представляете в такой роли!

— Исключено. Я кое-чему научилась и поэтому буду делать то, что умею.

— Вероника, вы москвичка, вы родились и выросли в этом городе. Для вас новые, послереволюционные названия улиц и площадей — старые. Как вы относитесь к тому, что в Москву сейчас возвращаются подлинно старые названия?

— Без восторга.

— Вы не будете рады, если проспект Маркса опять станет Охотным рынком?

— Как вам сказать... Это одна из новых иллюзий. Это, как грезы о возвращении старой русской интеллигенции, как создание союза потомков российского дворянства — похоже на игру. По мне, так пуская бы оставался проспект Маркса, и даже улица Горького. Видите ли, какая штука: мы-то все равно советские люди, какие бы названия ни писали на стенах домов. Вот ведь сталинские высотки — университет, МИД, гостиница «Украина» — то, что называют бредом пьяного кондитера, — разве надо их порушить? Ведь в них память эпохи!

— А что касается памятников?

— Вы, наверное, насчет памятников Ленину? Да пусть себе стоят! Конечно, я воспитана на образе дедушки Ленина, но эта фигура тоже мне совершенно безразлична, никакого душевного тепла не было и нет. У меня всегда было подозрение из-за слабой латонки, окружающей образ Ленина. Любый сладкий сироп вызывает у меня тошноту. А памятники... Я не знаю, я не в восторге от призывов все сносить. Мовет, где-то перенести... Я вообще против идеи дробления на мелкие части.

— Страну, в которой мы живем, часто называют империей, считается, что Российской империя существует до сих пор. Вместе с тем, мы в ней выросли и многие сейчас из тех, кто готов умом принять ее распад, противятся этому душой. А вы?

места целые народы... Я не симпатизирую идее массового отъезда. Хотя, с национальной точки зрения, и ней можно попытаться какую-то симпатию, но с общечеловеческой — мне это не нравится. Мне кажется, что очень милое, сообразительное дело быть, как бы это сказать, русским евреем. На стыке этих понятий есть прекрасные результаты. А быть израильским евреем, американским — это совсем другое. Мне бы очень хотелось до конца жизни иметь возможность приехать в какую-то страну, протягивать кому-то руку, и говорить: «Вероника Долина, Москва». А не — Вероника Долина, Тель-Авив, или Бостон, скажем. И мне бы хотелось, чтобы и ряду моих друзей — так хотелось! Москва, Ленинград, Киев, Минск — это прекрасные города, с добротной культурой и все, что нужно для души, у них есть. Еще есть. Существует прессинг — на культуру, на национальное сознание, на ряд профессий. Да, это так! Но этот прессинг в ряде случаев принес могут быть результаты. Я не могу забыть бабеловское: учись не на «пятах», а на «шесть». И прививаю это детям.

— Скажите, Вероника, вас не задевают разговоры о женитке поэзии!

— Это опять же вне сферы моих интересов. Она существует, но помимо меня. Для меня люди вообще не очень-то разделяются по половому признаку. Либо человек интересный, незаурядный, имеющий собственные мысли, свои ходы в жизни, либо не совсем человек — серый, живущий по трафарету, имеющий минимальную систему ценностей. А мужчина это или женщина — второстепенно.

— Вы распознаете это сразу!

— Да, конечно.

— На биологическом, выходит, уровне!

— Да! Есть много признаков.

— Не поделитесь!

— Ну, очень много... Образ, облик, интонация. Я настроена на область слуха, я очень доверяю именно этому способу познания мира. Не зрение, не осязание, не все прочее, а слух больше всего выдает подробности и о мире, и о населяющих его людях.

— Вам никогда не приходилось ошибаться, не подводило ли вас это чутье!

дали этому принципу. Многие принимают всерьез, да я и сама не без некоторой серьезности отношусь к этому. Я рассчитываю на то, чтобы быть достаточно широко понятой. Мне безразлично, насколько, но я знаю, что это достаточно широкое понимание. Вот и ладно!

— Вы умеете отключаться от повседневных проблем!

— Я не отключаюсь. Я даже их люблю. Люблю фактор густоты жизни.

— Даже если это касается очередей и давки в транспорте!

— Это я — просто люблю! Вот такой я советский человек — сладострастно люблю густоту нашего кошмара.

— И не бесит ни капельки!

— Нет. Во-первых, я немножечко иронически к этому отношусь, во-вторых, — не немножечко, в-третьих, мне безумно жаль наших людей. Вот и все, в это вкладывается мое отношение к нашему безумному, жестокому миру. Я ведь и когда из зарубежных поездок возвращаюсь, чувствую полное сладострастие. Дорога от Шереметьево до дома и все эти наши руины, серый снег, кошмар вообще, который разлит в воздухе, я просто дышу — не надыхусь.

— «Мне избы серые твои...»

— Ужасно все это люблю. Все душевное, уродское — оно в этом не виновато!

— Так вы, наверное, противник перестройки!

— Не знаю! Я ничего специально не ротирую и не союзник, кроме, разве что Ельцина. Но я живу внутри русской культуры и не желаю другого. Это моя любовь, моя работа, моя защита, моя усердность в себе. Не желаю себе другого воздуха. Да и детям своим другого не желаю. Я ведь уже понохла другой воздух, пощупала другую жизнь. Я видела, как там живут люди. Причем не эмиграция, а тамошние — англичане, французы, наядцы, японцы... Они живут замечательно. Но это — для них. А для нас — здесь лучше.

— А вам лично помогает кто-то противостоять кошмару повседневности? Муж, к примеру, соответствует женскому идеалу!

— Я живу как все, никто мне особенно в быту не помогает. Муж, не могу сказать, что он соответствует на все сто, но он хороший товарищ и помощник. Периодами он участвует в бытовой жизни семьи, а иногда отключается, он рассеянный человек, научного, так сказать, склада. Ну что поделаешь... Практически я очень много делаю сама, так сложилось.

— Вы отметили среди качеств, которые цените в людях, неудовлетворенность собой. Очевидно, вы чем-то не довольны и в себе! Чем!

— Абсолютно всем. Страдаю крупным недолюбливанием собственной персоны. Начиная с цвета волос.

— А стихи!

— К стихам своим я отношусь очень недурно. Они мне очень помогли стать на ноги — и как человеку, и как женщине. Стихи меня делали, вели за собой. Они лучше и выше меня. Они часто фактически заботятся вперед в моей жизни, и я каприбною за них.

— А на этом пути вами никогда не интересовались так называемые компетентные органы?

— Ну почему же? Они несколько раз приглашали и себе выступить. Они, чистые наши родные, вообще-то по традиции осуществляют эту функцию пристрастия за интеллигенцией. Я выступала перед ними.

— Эта аудитория как-то отличается от остальных?

— Да, нет — все такое же. Я сама с любопытством на них смотрю, особенно на женщин. Там много интересных типажей. Это прозрачноглазые, преобладающая русость, еще кое-какие параметры.

— Чего вы боитесь больше всего в этой жизни?

— Мало чего. Но предпочтитаю содержать себя в состоянии некоторой готовности к любви — не предсказуемому. В некотором напряжении живу всегда.

— И последний вопрос. Вас узнают на улице? Что вы при этом чувствуете!

— Да, бывает. Чувство это забавное. Мне очень нравится ощущать общность. Недаром страна — тоталитарная: всем приятно ощущать себя частью большого целого. А потом, знаете, какая есть у меня еще подробность? Я сама могу узнать своего слушателя быстрее, чем он меня узнает. Вот это я особо люблю! Увижу человека и думаю: сейчас он зафиксирован, и я увижу в глазах узнавание. Мне нравится, что я сама могу делать такой вот социологический срез почти безошибочно. Мне нравится эти люди — мои слушатели. Среди них есть непредсказуемые, а есть — очень предсказуемые. И это, конечно, не худшие люди нашей разнесчастной страны.

Беседу вел С. ТИХИЙ.
фото М. Ильченко.